

Борис Беленкин. Избранное

В свое время Ю.Тыняновым была поставлена проблема превращения в литературу «бытовых речевых форм». Осознаем мы это или нет, подобный процесс происходит на наших глазах. Диффузия официальной и оппозиционной литературы создает тот вакуум искусства, который хотя бы частично может быть заполнен домашними экзерсисами. Лучшие сегодняшние стихи некогда под общий, несколько пьяный хохот читались на кухнях и казались всем более или менее удачным капустником. Поэзия Бориса Беленкина не исключение. Его тексты, и, в особенности, четверостишия, утрачивая авторство, блуждали по Москве и выныривали в самых неожиданных местах. Известно, что пародировать и издеваться, в сущности, просто, но в строках Беленкина за традиционной чехардой имен Гуревича, Дантеса и Хусейна (вновь неожиданно вернувшегося на первый план нашего общественного сознания) встает то не поддающееся имитации поэтическое безумие, которое единственно и делает интересным сочинение и чтение стихов. Читателю еще предстоит знакомство с прозой Беленкина и, в частности, с его стихийно-концептуальным (что твои Барт и Бартов!) циклом «Всем смертям назло», но сегодня его ждет лирика. «Катарсис не катарсис, Но маленький подарок» сказал совсем о другом Борис Беленкин. Я повторю эту чудную формулу применительно к его стихам.

Андрей Зорин (1990)¹

Четверостишия

Генетическое

Я люблю девиц пикантных,
Я люблю девиц активных...
Я снаружи доминантный,
А внутри я рецессивный.

1978

Политическое

Диктатура Пиночета
Противоестественна...
– Пусть меня е*** полсвета,
Я останусь девственна.

1974

Радостное

В каждой люстре по чекисту,
А в колонне – целый взвод...
Мой миленок вывел глисту
Через заденный проход!

16 февраля 1979 г. 18 часов 30 минут
Станция метро «Арбатская» («синяя ветка»)

¹ Публикуется без ведома автора. Вступительная заметка А.Зорина была подготовлена к подборке стихов для несостоявшейся публикации в газете «Советский цирк».

Занудство

Заплатить придется очень мало,
Не более пяти рублей с рыла!

К.Прутков

... На мелководье тина,
Над озером два клена...
Прости меня, Марина,
Прости меня, Алёна!..

О, без ширинки брюки!
О, красненькие плавки!
Опять страданья, муки!
Опять проклятый Кафка!

Раскрепоститься что ли?
Бессмысленны попытки!
Я вас люблю до боли!
А вы, как две улитки!

А вы, как две пантеры,
Безжалостны до жути!
А вы, как две гетеры,
На жизненном распутье!

Внимая зову грыжи,
Внимая зову плоти
Для помыслов бесстыжих
Зову поехать в Поти

Зову поехать в Ригу,
Зову поехать в Таллин!
Жидов Защиты Лига
Нам предоставит спальни!..

Уж вою от бесстыдства
И, ах, не дать бы дуба!
Ух, где бы мне помыться?!
Эх, где почистить зубы?!

Я закажу экслибрис
И две фаты из норок,
Катарсис – не катарсис,
Но маленький подарок...

На мелководье тина!
Над озером три клена!
Прости меня, Марина,
Прости меня, Алёна!

Пушкинистам в портфель

*все они красавцы,
все они поэты...*

Звенели Глюк и Дворжак...
И взгляд бросал невинно
То Константин на Жоржа,
То Жорж на Константина.

К решетке знаменитой
Блаженно прислонились,
Вдыхая хлад гранита
И аромат ванили...

Данзас сказал Дантесу:
— Стихов прочту Вам массу,
— А я прочту Вам пьесу,
Дантес сказал Данзасу.

И без взаимных пассов
Совсем не как повесы
Дантес внимал Данзасу,
Данзас внимал Дантесу...

И любовались бонны,
И любовались дети,
Как декламационно
Звучали чтенья эти.

Данзас дышал сквозь ноздри,
Как грек из Никосии,
Дантес смотрел на звезды
И думал о России.

Вокруг порхали птички,
Стирали в Мойке прачки,
Вдали мелькали брички,
Кареты, конки, тачки...

Данзас оправил краги,
Дантес поправил шпоры,
.....
Не ведали бедняги
Как близок залп «Авроры».

Природа – сфинкс...

Гуревич – муза. Ровно десять лет
Я вдохновлялся им, вернее, ею,
Но, видно, я безудержно старею,
Уж дребезжит души кабриолет.

Уже летит со звоном стая галок
В распахнутое небо Подмосковья, –
Всё это видит глупая Прасковья,
Чей внешний вид и сумрачен, и жалок.

Не должно нам не верить в народ,
Который ходит по субботам в баню
И в Мурманске, и в Кушке, и в Аяне
И верещит над шайкой, как удод.

Да, мы не все. На днище котлована,
На месте том, где высился собор,
Теперь бассейн, и водяной напор
Для многих суть экстаза и нирваны.

Народа рога носца не понять
И литром общим не измерить,
Похерен «ер», и нету больше «ери,
запрещена декретом буква «ять»...

.....

Течет струей вонючей речка Ганг.
Бабрак Кармаль жуёт моченый финик.
Король Бикаса оказался циник.
Давно ушел в отставку Эндрю Янг.

Нам некогда с тобой, Гуревич, плавать
Вдоль берегов извилистой Миссури.
– Нам тридцать лет! (Но в нас так много дури,
Неистово бурлящей, словно лава...)

4 декабря 1983

И.Бочкаревой, В.Тихомирову, их дому.

Я бегу по сырой и гриппозной Москве,
Продовольственный раж успокоив сполна,
Губы шепчут «Биав...», губы шепчут «Ригве...»,
Чрево жаждет вобрать поскорее вина.
Я туда тороплюсь с предикатом идей,
Где живут поэтесса с поэтом,
Где исландский напев, перевод из «индей»,
И раскрашен витраж туалета...

О, куда и зачем, о, откуда и с кем
Мне навстречу прохожих ползет миллион!
Обитатели вилл и подвальных богем,
Вы колхозный не слышите трепетный стон!
Только в доме одном, лишь забрезжится май,
Уезжают на целое лето,
Оставляя уют и воссозданный рай,
В том числе акварель туалета.

Никогда не забыть мне голодных ночей
(Равнодушия к почве клянущий результат)...
Отмахнулся народ от родимых бахчей,
– Окунулся народ в суету и разврат.
И лишь только одне, и лишь только они
Ловят рыб, в сарафаны одеты,
И рисуют на всем, как покойный Бруни,
И на стенах (да, да!) туалета.

В этот день, когда вновь Хомейни и Хусейн
Отправляют на смерть молодых мусульман,
В этот день, когда Шульман ныряет в бассейн,
А Гуревич кладет гонорары в карман,
Всех Святых миновав, перейдя через мост,
Я бегу ожиданием согретый,
В дом, где выскажу я свой торжественный тост
И на фрески взгляну в туалете.

Но все тихо в Москве, все покорно бредут...
Тихо так, что пора закричать «караул!»...
Продвигаются танки в восточный Бейрут,
Продвигаются танки в угрюмый Кабул.
Василиски вожди на плакатах пестрят,
Зарядил Федорчук пистолеты...
Где покой обрету, где утешу свой взгляд?
– Ну, конечно, в цветном туалете!

Ну, конечно, лишь в нем, где цветы и птенцы,
Где изысканно-строгий колер и мазок,
Где расписаны все унитаза торцы,
– Там найдет утешенье души лепесток!
Пасторальный напев в ручейке из бочка

И пейзажный галдеж водопада...
Не хватает на двери рисунка бычка
И... но критики лучше не надо!

1982

Летние мотивы с вариациями по текущему моменту

На что смотреть?

– На небо в самолеты?

На поезда (за наш прогресс радеть)?

На воду ржавую, на детские заботы?

– На что смотреть!?

Куда лететь?

– К Ямпольскому на дачу

(Там можно в креслах томно посидеть),

Но разговор – про синема... Тем паче:

– Куда лететь!?

Куда бежать?

– В Малаховку не близко:

Там сто детей и будут вновь рожать,

Там сто детей, там столько плача, писка...

– Куда бежать!?

Кого желать?

– Трех Зорких с мандолиной,

Чтоб с Маркишем салат в ночи жевать?

Архиповых с настойкой из рябины?

– Кого желать!?

О чем мечтать?

– О беспорядках в Горьком?

О том, чтоб Рейгана опять смогли избрать?

О том, чтоб Хомейни подох на зорьке?

– О чем мечтать!?

– Куда ползти?...

Ст. Отдых, июль 1981

4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.